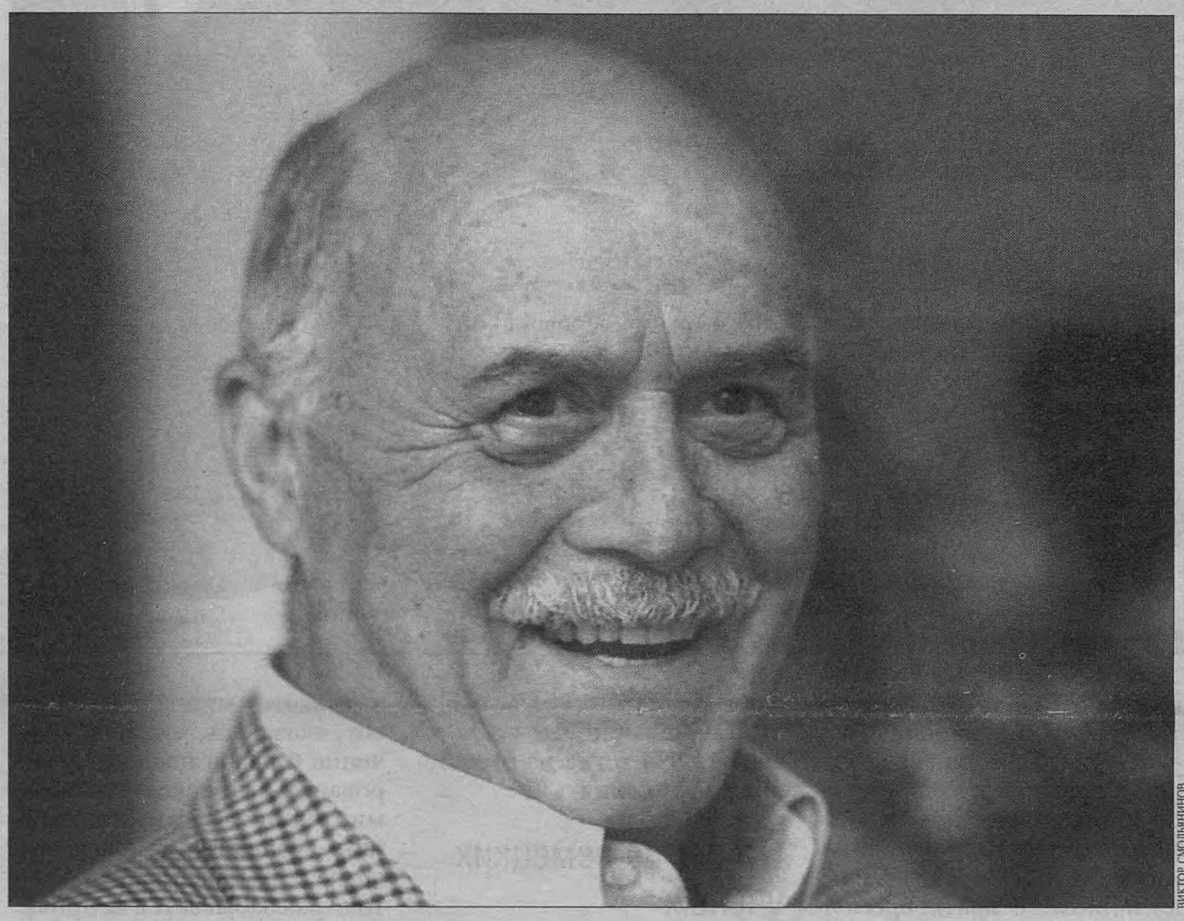
Россія. – 2002. – 27 июня. – с. 24-25

Говорухин из Тетюшей

Галина Смирнова

Просьба об интервью обернулась приглашением на ужин. И выбор ресторана был сделан лично маэстро – хорошая кухня и расположен недалеко от «Мосфильма». Именно там работает над своей новой картиной Станислав Говорухин. Стол на двоих накрыт по всем правилам хорошего тона.

Мой визави, знаменитый кинорежиссер и депутат Госдумы Станислав Сергеевич Говорухин, – человек куртуазный и светский, но напыщенным гастрономическим изыскам предпочитает качество и вкус. Настоящий русский интеллигент, Говорухин в обхождении прост, в чем и кроется изысканность его стиля. И если он говорит о качестве спаржи, в этом нет и грамма показухи. Сразу видишь, что он знает, о чем говорит. Так мы и ужинали, как профессор Преображенский с ассистентом Борменталем, перемежая закуски с философскими рассуждениями о жизни, с удовольствием отдаваясь и тому и другому.



ВИКТОР СМОЛЬЯНИНОВ

Лук вареный и настоящий мужчина

– Еще двадцать лет назад у меня было два нелюбимых продукта: манная каша и вареный лук. Но постепенно я приучился есть и то и другое. К вареному луку меня приучил один хохол, который варил картошку в чугуне вместе с луком. Сваренную картошку он доставал, а лук продолжал готовить до состояния печеного. Сначала я с осторожностью попробовал самую сердцевинку, а потом понравилось. Ведь на самом деле в мире нет ни одного продукта, который не стоило бы полюбить. Есть просто нелюбознательные люди – те, которые говорят: «А я это не ем». – «А ты пробовал?» – «Нет».

Я всегда знал, что вещи самые вкусные, как правило, сначала невкусны. Водка, например. Ну кому она понравится в первый раз? А потом без нее жить не можешь. Я, например, без рюмочки холодной водки обед не начинаю. А оливки, например? Они же не могут понравиться вам, пока вы ребенок. А разве вы мало видели кулинарно плохо воспитанных людей? Один близкий мне человек начинает, например, есть борщ, и через некоторое время у него на краях тарелки уже висят с одной стороны петрушка, с другой – укроп, здесь он лук разложил, а здесь – морковь... Пусть ты любишь одно больше, другое меньше, но, как говорится, «нужно полезное сделать привычным, а привычное – необходимым». Это родители должны воспитывать у своих детей. Что-то сродни зарядки по утрам.

Это вообще мой принцип – все попробовать. Мне очень нравится Куприн. Кем только он не был: и акробатом, и журналистом, и рыбаком, и боксером. И однажды он сказал, что жалеет только о том, что у него не получилось побыть лошадью и испытать роды. Вот это настоящий мужчина! Он хотел проникнуть в сущность всех вещей.

Рецепт спасения от маразма

– Я понимаю, что наше поколение уходит. И моей путеводной звездой в этом смысле стал Тютчев вот с какими стихами: «Спаси тогда нас, добрый гений, от малодушных укоризн, от клеветы, от озлоблений на изменяющую жизнь; от чувства затаенной злости на обновляющийся мир, где новые садятся гости за уготованный им пир...» Что же делать? Так устроена жизнь. И в Библии сказано, что человеку век отмерен в 70 лет. А все, что «выше, то от крепости»... Многие этого не понимают, в том числе мои коллеги. И получают чудовищный результат. Снимают такую мутотень, за которую иногда и призы получают. Это просто немыслимо. А ведь это наши любимые режиссеры!

Когда я снимал «Ворошиловского стрелка», я собрал группу и сказал: «Ребята, учтите, что все режиссеры после шестидесяти лет впадают в маразм и спасаются только те, кто понимает, что они уже в маразме. Поэтому я вас всех прошу участвовать в процессе, придумывать что-то, предлагать. И не хочу слышать никаких визгов: «Ах, какой материал!» Вот так мы и работали.

О пользе перечитывания

– В 70-е годы читатели «Нового мира» услышали новое имя – И. Грекова. Я, помню, тогда еще удивился: получалась какая-то Игрекова. Она писала удивительные повести, и любители чтения, к коим я принадлежу, были совершенно ошарашены и упивались ими. Они назывались: «За проходной», «Кафедра», «Дамский мастер», «Вдовий пароход»... К слову сказать, спустя приблизительно 25 лет в сауне гостиницы «Москва» я лежал на полке рядом с одним генерал-лейтенантом милиции (он потом застрелился.) И говорит он мне: «Образованным человеком должен считаться не тот, кто много читал, а тот, кто много перечитывал». Что толку, что вы читали «Асю» в 17 лет? Что вы поняли и что вы помните? Я запомнил эти слова и с тех пор так и делаю. «Не хлебом единым», «В окопах Сталинграда», повести Аксенова – все это я перечитываю по многу раз. И Грекову я перечитал. Это оказался псевдоним, и за ним скрывалась доктор математических наук, автор учебника, по которому до сих пор учатся студенты, Елена Сергеевна Вентцель. Она умерла около 4 месяцев назад в возрасте 96 лет. И нахожу я у нее повесть, которую раньше не читал, – «Хозяйка гостиницы». Как у Гольдони. С тех пор прошло уже 4 года. И через 2 недели я начну снимать свою новую картину по этой повести.

Университеты

– Всю свою жизнь я прожил в бараках и общежитиях. Я уже оканчивал Казанский университет, а все еще спал под столом, а моя старшая сестра – на столе. Она тоже была студенткой университета. Малюсенькая комнатушка в бараке, где не на «тридцать восемь комнаток всего одна уборная», а на восемь бараков. Сейчас только у меня приличная квартира, а дачи я по сей день не построил. Не заработал, так же как званий и наград. Но я знаю, что я стал народным артистом после фильма «Место встречи изменить нельзя». Потому что народный не тот, у кого есть это удостоверение, а тот, кого знает и любит народ. Когда снимали, я уже знал, что зрители будут картину смотреть не отрываясь, но не знал, что она станет народным фильмом.

Форменное разочарование

– Осенью 53-го года я поступил в Казанский университет на геологический факультет. Конечно, в этом была романтика. Я прочел пару книжек о геологах, но главное, ради чего я поступил туда, – это форма. Мы все одевались не то что скромненько, а бедненько, а студентам геологического факультета университета государство шило форму – черный двубортный шевиотовый костюм, белая рубашка, черный галстук и черный бархатный квадратный погончик, на котором был золотой вензель университета. Через три месяца после того, как я поступил, форму отменили. Клянусь, сильнее разочарования в моей жизни не было. Так малы, наверное, были мои претензии. Я же в то время не мечтал стать президентом России, не думал о картине, которая всех бы потрясла. Я думал о форме, что вот хорошо бы в ней пойти и девочек покорять. Как же я расстроился тогда!

Счастливое изгнание

– Геологом проработал год, а после этого – сразу в Казань, там как раз начиналось телевидение, и я был одним из его организаторов. Тогда во всех городах страны были построены телевизионные студии, похожие на студию на Шаболовке. И это были два очень счастливых года моей жизни. Как же было интересно телевидение организовывать! Новое дело: никто ничего не знает, никто ничего не понимает. А сколько было волнений, когда я сидел за пультом как режиссер! Пару раз меня оттуда выгоняли, и если бы не выгнали, то я, наверное, и по сей день был бы главным режиссером телевизионной студии в Казани.

И тогда, в 61-м году, я поехал и поступил во ВГИК. Сейчас хрен бы я поступил, а тогда это было реально: приехал парень из провинции и поступил. «Вертикаль» стала моей дипломной работой. Сценарий был плохой. Он «горел» на студии. Нам с Борисом Дуровым дали его почитать. Я уж не помню точно, кто из нас его прочитал: кто-то на диване валялся, кто-то читал. И решили взяться. С сюжетом было не очень, поэтому решили делать этакую «поэму о горах». Потом возник Высоцкий.

«Черный доктор» и белый пароход

– А в студенческие годы было, в общем-то, не до учебы. Мы все время ходили в какие-то походы, которые организовывали профкомы и студкомы: и на Кавказ в альпинистские походы, и через горы к морю... Помню, было нам тогда лет